

Я отношусь к наступлению 2000 года как к рядовому явлению. Трудно прогнозировать, что новое в театре начнется вместе с новым веком. Хотелось бы, чтобы закончилось очень многое старое, и прежде всего – старая система управления государственными театрами. С ней тесно связана общая театральная ситуация в стране, все строится на тоталитарном руководстве либо государственных структур, либо внутритеатральных. Мне кажется, что это аттавизм, очень сильно сковывающий свободу.

Я разработал Программу инициирования неформальной театральной деятельности внутри нашего города. За основу я взял французскую систему, которую внедрили во Франции в 60-х годах, когда там захлопнулись двери почти всех государственных театров. Тогда были вложены немалые деньги, чтобы люди не оказались выброшенными на улицу, и начали менять свое сознание и отношение к делу. Речь идет о социальной поддержке переработавших артистов, но это не пенсия, не пособие по безработице, а некий аванс, который дается на год. Год артист не должен будет думать о "поддержании питанов" и делать то, что он призван. Он может уйти из театра, в котором он невостребован. С одной стороны, он не останется на улице, а с другой – театр получит возможность переформировать труппу, оставляя лишь тех актеров, которые необходимы.

При всех недостатках общероссийской театральной ситуации она замечательна тем, что она есть, и что она живая. Гастроли, фестивали говорят о том, что театральная Россия начала просыпаться, двигаться в пространстве. Броуновское движение восстановилось. У меня очень оптимистичный взгляд на будущее театра. Он останется одним из важнейших наших социальных институтов. Социологи уверяют, что в театр ходит лишь 5 процентов населения, но эти 5 процентов так цементируют психологический фундамент общества, что остальные проблемы решаются гораздо проще. Основные проблемы – это, говоря военным языком, зачистка, устранение каких-то катастрофических деталей. Я убежден, что роль театра будет расти, появятся имена, но значимости равные тем, что появились в на-

чале XX века. Наше поколение подготовило, взрыхлило почву для появления новых ростков. Я смотрю на своих детей и думаю, что их отношение к жизни, их раскованность, адаптированность в этом мире, обещают очень многое, не столь мучительный, чем у предыдущих поколений, путь к самому себе и к Богу.

Наш зритель – это, в основном, молодежь. 12 лет назад мы доказали, что может быть принципиально иной театр, чем "Красный факел", ТЮЗ. Тогда еще в Новосибирске не было Рождественских фестивалей и мы отстаивали многовариантность, повизну подходов. Мы и сегодня в авангарде всего живого и некоего. А это очень непростое, поскольку всегда есть опасность стать закоренелой структурой, сектой.

В Новосибирске 8 театров, а должно быть 80, или 800. 95 процентов погибнет после первого спектакля, но 5 процентов останутся, меняя отношение зрителей к театру. Но в чем-то главным мне не хотелось бы, чтобы наш театр менялся. Короткие встречи с европейскими труппами меня сильно огорчили. На Западе стремятся заменить артиста дорогостоящей техникой. У нас же корни театра предполагают наличие артиста, все остальное, в том числе техника, должны ему помогать.

Журнал "Искусство" – 1999-2000 – №50 – с. 10